

Воспоминанія о Ф. М. Достоевскомъ.

Я позволяю себѣ передать въ „Русской Старинѣ“ мои воспоминанія о годахъ молодости Ф. М., Достоевскаго времени его пребыванія кондукторомъ (воспитанникомъ) въ Главномъ Инженерномъ Училищѣ, гдѣ я служилъ въ должности дежурнаго офицера и зналъ Ф. М. близко и пользовался дружескимъ его расположеніемъ.

Ф. М. Достоевскій, по конкурсному экзамену (1838 г.), поступилъ въ Гл. Инж. Уч. при мнѣ, и съ первыхъ годовъ его пребыванія въ немъ и до выпуска изъ верхняго офицерскаго класса (1843 г.) на службу, онъ настолько былъ не похожимъ на другихъ его товарищей, во всѣхъ поступкахъ, наклонностяхъ и привычкахъ, и такъ оригинальнымъ и своеобразнымъ, что сначала все это казалось страннымъ, ненатуральнымъ и загадочнымъ, что возбуждало любопытство и недоумѣніе, но потомъ, когда это никому не вредило, то начальство и товарищи перестали обращать вниманіе на эти странности. Ф. М. велъ себя скромно, строевыя обязанности и учебныя занятія исполнялъ безукоризненно, но былъ очень религіозенъ, исполняя усердно обязанности православнаго христіанина. У него можно было видѣть и Евангеліе и *Die Stunde der Andacht* Цемоле и др. Послѣ лекцій изъ закона Божія о. Полуэктова Ф. М. еще долго бесѣдовалъ со своимъ законоучителемъ. Все это настолько бросалось въ глаза товарищамъ, что они его прозвали монахомъ Фотіемъ. Невозмутимый и спокойный по природѣ, Ф. М. казался равнодушнымъ къ удовольствіямъ и развлеченіямъ его товарищей; его нельзя было видѣть ни въ танцахъ, которые бывали въ училищѣ каждую недѣлю,

ни въ играхъ, въ „загонки, бары, городки“, ни въ хорѣ пѣвчихъ. Впрочемъ, онъ принималъ живое участіе во многомъ, что интересовало остальныхъ кондукторовъ, его товарищей. Его скоро полюбили и часто слѣдовали его совѣту или мнѣнію. Нельзя забыть того, что въ то время, въ замкнутомъ военно-учебномъ заведеніи, гдѣ цѣлую недѣлю жили сто слишкомъ (125) человѣкъ, не было жизни, не кипѣли страсти у молодежи. Училище тогда представляло изъ себя особенный мірокъ, въ которомъ были свои обычаи, порядки и законы. Сначала, въ немъ преобладалъ нѣмецкій элементъ, такъ какъ и начальство и воспитанники были большею частію нѣмцы; впоследствии, въ шестидесятыхъ годахъ наибольшее число воспитанниковъ Училища были уроженцы Польши. Ф. М. приходилось часто мирить въ его время эти два элемента. Онъ умѣлъ отклонять товарищей отъ задуманныхъ шалостей (такъ наз., отбоевъ, бенефисовъ и пр.), но были случаи, гдѣ его авторитетъ не помогаль, такъ не рѣдко, когда проявлялось своеволие товарищей его надъ „рябцами“ (новичками) или грубое ихъ обращеніе съ служителями, Ф. М. былъ изъ тѣхъ кондукторовъ, которые строго сохраняли законы своей *alma mater*, поддерживали во всѣхъ видахъ честность и дружбу между товарищами, которая впоследствии между ними сохранялась цѣлую жизнь. Это былъ родъ масонства, имѣвшаго въ себѣ силу клятвы и присяги. Ф. М. былъ тоже врагомъ заискиванія и вниманія у высшаго начальства и не могъ равнодушно смотрѣть на льстецовъ даже и тогда, когда лесть выручала кого-либо изъ бѣды, или составляла благополучіе. Судя по спокойному, невозмутимому его лицу, можно было догадываться объ его грустномъ, можетъ быть, наслѣдственномъ настроеніи души, и если вызывали его на откровенность, то онъ отвѣчалъ часто на это словами Монтеסקье „*Ne dites jamais la verité aux depens de votre vertu*“.

Посѣщая часто кондукторскую роту Главнаго Инженернаго училища, я могъ замѣтить всю его внутреннюю жизнь, могъ близко познакомиться съ его воспитанниками (кондукторами), а при небольшой наблюдательности и съ ихъ характеромъ, наклонностями и привычками. Припоминая давно минувшее, могу только сказать, что многое, что было тогда замѣчено мною въ бывшихъ при мнѣ воспитанникахъ ихъ душевныхъ качествахъ и недостаткахъ, сохранилось при нихъ впоследствии и на жизненномъ поприщѣ. Одно качество, которое не пропадало въ кондукторахъ съ лѣтами, это любовь къ

училищу, гдѣ они учились, уваженіе къ ихъ воспитателямъ и взаимная между товарищами дружба.

Сказать, что эти качества были между молодежью, жившею вмѣстѣ четыре года, безъ измѣненія, никакъ нельзя. Большая часть этой молодежи по свойствамъ характера, по воспитанію и образованію легко увлекались общимъ настроеніемъ, товариществомъ, мѣстными обычаями. Но было много молодежи, которыхъ душевныя свойства никогда не измѣнялись; они въ дни юности и въ преклонные года оставались безъ перемѣны. Такимъ былъ Ф. М. Достоевскій. Онъ и въ юности былъ по виду такимъ же старикомъ, какимъ онъ былъ въ зрѣломъ возрастѣ. И въ юности онъ не могъ мириться съ обычаями, привычками и взглядами своихъ сверстниковъ-товарищей. Онъ не могъ найти въ ихъ сотнѣ нѣсколько человѣкъ, искренно ему сочувствовавшихъ, его понятіямъ и взглядамъ, и только ограничился выборомъ одного изъ товарищей, Бережецкаго, тоже кондуктора, хотя старшаго класса. Это былъ юноша очень талантливый и скромный, то же, какъ Достоевскій, любящій уединеніе, какъ говорится человѣкъ замкнутый, особнякъ (*homme isolé*). Бывало на дежурствѣ мнѣ часто приходилось видѣть этихъ двухъ пріятелей. Они были постоянно вмѣстѣ, или читающими газету „Сѣверная пчела“ или произведеніе тогдашнихъ поэтовъ: Жуковскаго, Пушкина, Вяземскаго, или литографированныя записки лекцій, читанныхъ преподавателями. Можно было видѣть двухъ пріятелей Б. и Д., гуляющихъ по камерамъ, когда ихъ товарищи танцовали во вторникъ въ обычномъ танцклассѣ, или играли на плацу. То же можно было видѣть и лѣтомъ, когда они были въ лагерѣ, въ Петергофѣ. Кромѣ строевыхъ и спеціальныхъ занятій, въ которыхъ они обязательно участвовали, оба пріятеля избѣгали подчиненности; въ то время, когда отправляли командами при офицерѣ гулять въ саду „Александріи“ или водили купаться, они никогда не были. Точно также ихъ нельзя было видѣть въ числѣ участвовавшихъ на штурмѣ лѣстницъ Сампсоніевскаго фонтана и пр. Занятія и удовольствія лѣтомъ у двухъ пріятелей были тѣ же, что и зимою.

Не нужно было особеннаго наблюденія, чтобы замѣтить въ этихъ друзьяхъ особенно выдающихся душевныхъ качествъ, напримѣръ, ихъ состраданія къ бѣднымъ, слабымъ и беззащитнымъ, которое у Д. и Б. проявлялось чаще всего зимою, нежели лѣтомъ, когда они видѣли грубое обращеніе товари-

щей со служителями и съ рябцами (только-что поступившими въ училище кондукторами). Д. и Б. употребляли всѣ средства, чтобы прекратить эти обычныя насилія, точно также старались защищать и сторожей и всякаго рода служащихъ въ училищѣ. Д. и Б. возмущали и всякаго рода демонстраціи, продѣлки кондукторовъ съ учителями иностранныхъ языковъ, особенно нѣмцевъ. Пользуясь большимъ авторитетомъ у товарищей они, Д. и Б., или прекращали задуманныя продѣлки съ учителями или останавливали. Только то, что творилось внезапно, имъ нельзя было остановить. Какъ, на примѣръ, это случилось во время перемѣны классовъ, когда изъ 4-го класса (называвшагося Сибирью) вдругъ, изъ открытыхъ дверей, выбѣжалъ кондукторъ О., сидѣвшій верхомъ на учителѣ Н. нѣмецкаго языка. Конечно, эта продѣлка не прошла даромъ. По приговору Д. и Б., виновникъ продѣлки былъ порядочно товарищами старшаго класса побить.

Состраданіе къ бѣднымъ и беззащитнымъ людямъ у Ѳ. М. могло въ немъ родиться съ лѣтами очень рано, по крайней мѣрѣ въ дѣтствѣ, когда онъ жилъ въ домѣ своего отца, въ Москвѣ, который былъ докторомъ въ больницѣ для бѣдныхъ, при церкви Петра и Павла. Тамъ ежедневно Ѳ. М. могъ видѣть передъ окнами отца, во дворѣ и на лѣстницѣ бѣдныхъ и нищихъ и голытьбу, которые сбиралась къ больницѣ, сидѣли и лежала, ожидая помощи. Чувства состраданія сохранились въ Ѳ. М. и въ училищѣ. Состоя въ немъ воспитанникомъ (кондукторомъ), ему приходилось видѣть и другого рода бѣдняковъ, крестьянъ въ пригородныхъ деревняхъ, когда лѣтомъ, идя въ лагерь въ Петергофъ, кондукторская рота ночевала въ деревнѣ „Старая Кикенка“. Здѣсь представлялась картина нищеты, въ ужасающихъ размѣрахъ, отъ бѣдности, отсутствія промысловъ, дурной, глинистой почвы и безработицы. Главной причиною всего этого было сосѣдство богатаго имѣнія гр. Орлова, въ которомъ все, что требовалось для графа или для его управляющаго, все это дѣлалось подъ руками, своими людьми. Поразительная бѣдность, жалкія избы и масса дѣтей, при безкормицѣ, увеличивали состраданіе въ молодыхъ людяхъ къ крестьянамъ „Старой Кикенки“. Д., Б. и многіе ихъ товарищи устраивали денежную складку, собирали деньги и раздавали бѣднѣйшимъ крестьянамъ. Ничего нѣтъ мудренаго, что бѣдность, которую видѣлъ Ѳ. М. въ юности, была канва, по которой искусный художникъ создавалъ своихъ „бѣдныхъ людей“. Чувства уваженія къ боевымъ заслугамъ у молодыхъ

кондукторовъ развивались при видѣ георгіевскихъ кавалеровъ, которые имъ служили и были при нихъ каждый день; въ особенности это было замѣтно 26 ноября, когда георгіевскій кавалеръ Сѣрковъ, по повелѣнію государя, обѣдалъ вмѣстѣ съ кондукторами. Были особенно интересны его рассказы о войнѣ 1828 г., когда Сѣрковъ по службѣ сапера участвовалъ на штурмахъ Браилова и Шумлы и когда, будучи раненымъ, онъ вынесъ на себѣ тяжело раненаго и лежащаго во рву крѣпости офицера.

По службѣ посѣщая каждый день кондукторскую роту инженернаго училища и будучи немногими годами старше воспитывавшихся въ немъ юношей, я пользовался ихъ расположеніемъ ко мнѣ. Нерѣдко они передавали откровенно свои минутныя впечатлѣнія, свои радости и горе. Мнѣ приходилось иногда останавливать шаловливыхъ, или лично или съ пособіемъ старшихъ кондукторовъ, отъ задуманныхъ ими шалостей (такъ наз. отбоевъ, отказовъ отвѣчать на заданный урокъ) и проч. Интереснѣе для меня на дежурствѣ были бесѣды со мною кондукторовъ Григоровича и Достоевскаго. Оба были весьма образованные юноши, съ большимъ запасомъ литературныхъ свѣдѣній изъ отечественной и иностранной литературы; и каждый изъ этихъ юношей, по свойствамъ своего характера, возбуждалъ во мнѣ живой интересъ. Трудно было отдать преимущество въ ихъ рассказахъ кому-либо болѣе, чѣмъ другому. Что-то глубоко обдуманное, спокойное, видно было въ рассказахъ Достоевскаго и, напротивъ, живое, радостное являлось въ рассказахъ Григоровича. Оба они занимались литературою болѣе, нежели наукою; Достоевскаго занимали лекціи исторіи и словесности Турунова и Плаксина, чѣмъ интегральныя исчисленія, уроки Теръ-Степанова, Черневскаго. Самъ Достоевскій былъ редакторомъ литографированной при училищѣ газеты: „Ревельскій Снятокъ“. Григоровичъ, съ первыхъ дней вступленія въ инженерное училище, не любилъ, какъ онъ говорилъ „consideration calcul“ и боялся преподавателей математики; его занимали Викторъ Гюго, М-ше Сталь, Бокаччіо, Дюдewanъ и гр. Владѣя отлично французскимъ языкомъ и даромъ слова и памяти, Григоровичъ часто приводилъ изустно стихи въ переводѣ изъ Байрона и др.

Будни въ инженерномъ училищѣ проходили въ извѣстномъ установленномъ порядкѣ: классныя занятія были два раза въ день, отъ 8 час. до 12 и отъ 3 час. до 6. Отъ 7 часовъ до

8 кондукторы занимались повтореніемъ уроковъ, а отъ 8 до 9 час. были или гимнастика, фехтованіе или танцы. Въ эти условные часы занятій Ѳ. М. или участвовалъ, а въ нѣкоторыхъ его не видно было. Въ то время, когда кондукторы, его товарищи, каждый, сидя у своего столика, занимался подготовкою къ слѣдующему дню, Ѳ. М. съ кѣмъ либо изъ товарищей (Бережецкимъ или Григоровичемъ) гулялъ по рекреационной залѣ или бесѣдовалъ съ дежурнымъ офицеромъ. Нерѣдко можно было видѣть его у кого-либо изъ товарищей, которому онъ объяснялъ какую-либо формулу или рисунокъ изъ начертательной геометріи, которымъ, какъ Шидловскій¹⁾ и др., эти чертежи были что наз. китайской грамотой. Всего чаще можно было видѣть Ѳ. М., подготовлявшаго товарищу сочиненіе на заданную тему. До вечерней повѣстки нерѣдко собирались въ рекреационной залѣ всѣ, не исключая прислуги, послушать рассказы старшаго писаря Игумнаго.

Это былъ старшій писарь кондукторской роты, человекъ, прослужившій долго въ строю, въ армейскомъ полку; весьма честный, добрый, весьма любимый кондукторами, большой любитель литературы и обладавшій отличной памятью. Онъ имѣлъ большое нравственное вліяніе на молодежь. Его рассказы историческіе изъ русской старины были весьма интересны, въ особенности объ Инженерномъ Замкѣ, о жительствовавшемъ въ немъ, въ 20-хъ годахъ, секты „людей Божіихъ“, объ ихъ курьезныхъ радѣніяхъ (пляскѣ, круженіяхъ и пѣніяхъ), о кастаньянѣ замка Брызгаловѣ, носившемъ красный камзолъ съ большими золотыми пуговицами, трехугольную шляпу и напудренный парикъ²⁾. Игумновъ въ зимніе вечера, по приглашенію чаще всего Ѳ. М. Достоевскимъ, приходилъ въ рекреационную залу и становился посреди ея. Немедленно зала наполнялась всѣми кондукторами, являлись скамейки и табуреты, и водворялась тишина. Игумновъ, обладая хорошою памятью, изустно передавалъ цѣлыя баллады Жуковского и поэмы Пушкина, повѣсти Гоголя и др. Присутствовавшіе, приходившіе въ восторгъ отъ рассказовъ Игумнова, не ограничи-

¹⁾ Шидловскій, будучи очень тупымъ, отличался отъ товарищей только хорошою памятью. Онъ кончилъ образованіе въ двухъ учебныхъ заведеніяхъ, но своими поступками, будучи государственнымъ чиновникомъ (губернаторомъ, товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ), назывался человекомъ съ фаршированной головой (Щедринъ) или, проще, наз. барабанщикомъ.

²⁾ Брызгаловъ еще живъ былъ въ сороковыхъ годахъ.

вались аплодисментами, но собирали ему, каждый разъ, обильное денежное вознагражденіе.

Нельзя забыть того изъ времени пребыванія Ѳ. М. въ инженерномъ училищѣ, что на Ѳ. М. имѣли нравственное вліяніе тогдашнія внѣшнія и внутреннія событія и лица, его окружающія. Сохраняющій въ сердцѣ своемъ чувства высокой честности, онъ рассказывалъ мнѣ свое глубокое негодованіе на нѣкоторыхъ начальниковъ, грабившихъ и возмущающихъ солдатъ тогдашней продолжительной службы, на р. генераловъ Батурина, Тришатнаго (впослѣдствіи разжалованаго въ рядовые), кн. Дадьяна, зятя командовавшаго войсками барона Розена, на Кавказѣ. Кн. Дадьянъ былъ разжалованъ въ рядовые и посаженъ въ крѣпость Бобруйскъ. Ѳ. М. возмущали продѣлки русскихъ людей, братьевъ П. Одного изъ нихъ—директора Сѣверо-Американской компаніи, продавшаго Алеутскіе острова Америкѣ, и другого брата—ограбившаго инвалидный капиталъ. Ѳ. М. зналъ имена начальниковъ въ войскахъ на войнѣ и на гражданскомъ поприщѣ, которые получали награды не по заслугамъ, а благодаря родству и связямъ съ сильными міра сего. Онъ зналъ продѣлки бывшаго инспектора классовъ инженернаго училища, какъ онъ помѣщалъ и поддерживалъ тѣхъ кондукторовъ, которыхъ родители ему платили или дѣлали подарки и пр. Кромѣ всего мною упомянутаго и несказаннаго, все было извѣстно лучше меня одному изъ преподавателей инженернаго училища, г. Толю (извѣстному энциклопедисту). Впослѣдствіи, когда ему было отказано, кондукторы откровенно рассказывали про него много любопытнаго. Онъ былъ учителемъ русскаго языка и словесности въ третьемъ кондукторскомъ классѣ. На его лекціи пробирались и кондукторы изъ старшихъ классовъ. Ни Ѳ. М., ни другіе воспитанники не могли, рассказывая объ немъ, сказать, какой философской системѣ или кому изъ ученыхъ социалистовъ онъ держался, достаточно того, что онъ говорилъ юношамъ о такихъ предметахъ (о настоящей, истинной религіи, буддизмѣ и даосизмѣ, коммунизмѣ и равенствѣ и пр.), о которыхъ имъ не приходилось ни читать, ни слышать. При немъ можно было сидѣть въ классѣ, гдѣ кому угодно и не застѣгиваясь на всѣ крючки и пуговицы и, что важнѣе всего, можно было курить. Въ предостереженіе того, чтобы неожиданно не вошелъ бы дежурный офицеръ въ третій классъ, въ замочную скважину смотрѣлъ или кто-либо изъ кондукторовъ или самъ учитель Толь.

Теперь трудно сказать, чтобы эти лекціи производили на слышавшихъ ихъ молодыхъ людей, а въ томъ числѣ на Ф. М. вредное вліяніе; скорѣй всего возмущали тогдашнюю молодежь суровый старый режимъ военнаго суда и расправы. Еще съ юныхъ лѣтъ Ф. М. не имѣлъ расположенія къ военной службѣ, хотя очень любило его училищное начальство (нѣкто А. Ч. Фере), которое готовило его на „ординарца“. Разъ даже Достоевскій, будучи ординарцемъ, представлялся вел. князю Михаилу Павловичу, подходя къ которому и сдѣлавъ накаркуль, онъ оробѣлъ и вмѣсто слѣдующей фразы: къ в. и. в. громко сказалъ: „къ вашему превосходительству“. Этого было довольно, чтобы за это досталось и начальству и самому ординарцу. Возмущало Ф. М. на службѣ многое и когда онъ былъ инженернымъ офицеромъ въ Кронштадтѣ и тѣ домашнія и судебныя расправы. Онъ не могъ видѣть крѣпостныхъ арестантовъ въ кандалахъ на работахъ его дистанціи, ни расправы, которыя происходили въ войскахъ, содержавшихъ караулы въ Кронштадтѣ. Разрушали въ чувствахъ Ф. М. и расположеніе къ техническимъ работамъ. Нерѣдко его чертежи (планы и фасады зданій, караульни съ ихъ платформами и пр.), составленные имъ неправильно, безъ масштаба, возвращались обратно въ инженерную команду съ выговоромъ или съ саркастической замѣткой... ихъ автору. Все это тревожило молодого инженера и охлаждало его къ военной службѣ, и какъ ни старались я и товарищи его успокоить, помирить съ испытываемыми имъ неудачами, а тутъ еще и удручающая его болѣзнь, окончательно его свалили. Ф. М. подалъ въ отставку.

Сообщилъ **Ал. Савельевъ.**